

Источники

АМАЭ (Архив МАЭ РАН). К–1. О.2. № 1898. Бучатская Ю.В. Традиционная сельская и городская праздничная обрядность, бытовая культура и производственно-ремесленный цикл в некоторых регионах Южной Германии. Полевой дневник. 2008–2009.

ПМА (Полевые материалы автора). Записи интервью с представителями диаспор, общественными и религиозными деятелями. 2004, 2008, 2009 гг.
<http://www.stadt.bamberg.de>

Библиография

Alzheimer H. Erfahrungsraum Europa. Transnationale Perspektiven in Reiseberichten. Eintrittsvorlesung an der Universität Bamberg. 2008.12 Dez.

Heitmayer W., Rainer D. et al. Die Krise der Städte. Analysen zu den Folgen desintegrativer Stadtentwicklung für das ethnisch-kulturelle Zusammenleben. Frankfurt, 1998.

Kather G. Politische Praxen von sozialen Randgruppen in Spatown und Milltown // *Mittelstadt: Urbanes Leben jenseits der Metropole.* Göttingen 2010. S. 235–244.

Lindner R. «Maß und Mitte». Middletown Revisited // *Mittelstadt — Urbanes Leben jenseits der Metropole.* Göttingen, 2010. S. 38–44.

Schmidt-Lauber B. Urbanes Leben in der Mittelstadt — ein kulturwissenschaftliches Forschungsdesiderat // *Mittelstadt — Urbanes Leben jenseits der Metropole.* Göttingen, 2010. S. 16–37.

Wirth L. Urbanism as a way of life // *The American Journal of Sociology.* Vol. 44. 1. P. 1–24.

В.Н. Давыдов

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Данная статья основана на результатах 13-месячного полевого исследования, проводившегося среди охотников, оленеводов и рыбаков Северобайкальского района республики Бурятия в 2007–2009 гг., а также в июне, июле и августе 2012 г. Полевая работа летом 2012 г. финан-

---

* Работа выполнена при поддержке проекта Arctic Domus (Грант Европейского научного совета ADG 295458).

сировалась из средств Полевой комиссии МАЭ и проекта Arctic Domus. Основная цель данной работы — обсудить значение рыболовного промысла для жителей эвенкийских сел на Северном Байкале в постсоветский период.

Следует заметить, что в большинстве этнографических работ, посвященных северобайкальским эвенкам, акцент ставится на рассмотрении охоты и оленеводства и в меньшей степени на рыбной ловле, несмотря на то что она всегда играла важную роль в их экономических практиках. Согласно информанту из деревни Холодное Эвенкийское (местные жители называют деревню Холодная), эвенки, для которых рыбалка являлась основным занятием, называли себя ламученами или ламуанами (от эвенкийского слова *ламу* — море) [Интервью с Аркадием Петровичем Лекаревым, август 2009 г.].

По историческим источникам XVIII–XIX веков северобайкальские эвенки (тунгусы) активно занимались ловлей омуля [Георги 1777: 42–43; Мичи 1868: 163–166; Елизов 1873; Кирилов 1886], продавая ее *скупщикам* [Спасский 1822: 60–63; Паршин 1844: 29]. В советский период в начале 1930-х годов рыбная ловля становится одним из направлений работы эвенкийских колхозов, а позднее были созданы специальные рыболовецкие бригады.

В постсоветский период рыбная ловля стала для многих жителей деревни Холодное важнейшим источником дохода и основой выживания. После закрытия государственных предприятий многие жители деревни остались без работы и зарабатывали на жизнь продажей рыбы местным предпринимателям. Например, по официальным данным сельской администрации, в 2007 г. официальный уровень безработицы в Холодном достигает 51 %. Несмотря на то что некоторые жители Холодного сумели найти сезонную работу в Нижнеангарске, Северобайкальске и Таксимо, большинство продолжало искать возможности получения доходов от использования местных ресурсов. В этом контексте рыбная ловля была особенно важным ресурсом для местных жителей и может рассматриваться как адаптивная стратегия [Vorob'ev 2004]. Информанты не раз подчеркивали, что сумели выжить в 1990-е годы только благодаря рыбалке.

Занятие рыбной ловлей в постсоветский период становится особенно востребованным неработающим населением, поскольку, по сравнению с охотой, для него не требовалось тратить много средств на закупку материалов и продуктов в магазине: местные жители, проявляя изрядную изобретательность, самостоятельно изготавливали многие рыболовные орудия и инструменты из подручных средств. Данную страте-

гию, где используется все, что есть в данный момент под рукой, можно обозначить как «бриколаж». Например, в качестве грузил для сетей местные жители активно используют кусочки красных кирпичей, принесенных с развалин зданий на территории бывшей песчовой фермы.

Фактически для рыбалки в магазинах покупались только крючки, леска и материалы для плетения сетей. Во время полевой работы я много раз наблюдал, как вечерами местные жители самостоятельно плели рыболовные сети, причем каждый из них использовал свой собственный способ плетения. По словам молодого рыбака Матвея Арпиульева, его никто специально не учил этому, скорее, сама «жизнь научила». Многие жители Холодной также самостоятельно изготавливают удочки и *кондачки* (короткие удочки для зимней рыбалки). Сделать такие удочки — самый экономичный способ подготовиться к рыбалке.

В постсоветский период местный рынок стал контролироваться предпринимателями, которые скупали рыбу у населения, перепродавали в городах и практически стали монополистами. Цены на рыбу сильно занижались предпринимателями, но для многих жителей появилась возможность более или менее постоянно продавать свой улов. По словам местных жителей, эти предприниматели сотрудничают с ними более десяти лет. По моим наблюдениям, в 2007 и 2012 гг. рыбу в деревне скупали все те же люди. Небольшую часть улова рыбаки также продают своим соседям.

Рыбалка в Холодной может быть как индивидуальным, так и коллективным занятием. Во время полевого исследования я обратил внимание, что местные жители часто объединяли свои усилия на рыбалке, работая группами от трех до шести человек. Основой формирования подобных «бригад» являются родственные и соседские отношения, а также возраст. Следует заметить, что данные группы никогда не формировались по национальному признаку и могли включать русских и эвенков. Довольно часто они состояли из людей, принадлежащих к одной возрастной группе. Причем в составе некоторых групп были и мужчины, и женщины.

Часто в зимний период рыбаки, у которых нет личного транспорта, кооперировались с владельцами мотоциклов и снегоходов. Иногда «бригады» состояли из лидера (владельца сетей и инструментов) и людей, у которых не было своих снастей. Дело в том, что сети и рыболовные снасти в случае нужды меняются на деньги или продукты. Если в результате подобного обмена у человека не оставалось собственных удочек или сетей, то он присоединялся к родственникам или соседям, у которых снасти имелись. Подобная форма отношений напоминает ту,

что существовала в начале XX в., когда менее состоятельные звенки нанимались в качестве временных работников (*половинщиков*) к своим более состоятельным родственникам [Шубин 2001: 43, 78].

В советское время подобная форма патрон-клиентских отношений рассматривалась как «эксплуатация». В постсоветский период подобные отношения возникают как следствие перехода к рыночной экономике и частному владению средствами производства, когда, лишившись работы, часть жителей оказывается без средств существования. В подобной ситуации патрон-клиентские отношения выполняют функцию социальной гарантии: человек без снастей оказывается способным наловить рыбы и прокормить себя с помощью имущества, принадлежащего другим жителям деревни. В таком случае улов обычно распределяется владельцем оборудования. Распределение улова происходит обычно сразу после возвращения в деревню. Иногда рыбу сдают предпринимателям, а потом делят деньги. Обычно все делится поровну, но владелец снастей может претендовать на большую часть.

Когда рыбаки возвращаются в деревню с уловом, они вступают в реципрокные отношения с родственниками и соседями. Иногда рыбак может давать кому-либо больше рыбы, чем тот в данный момент может употребить, но предполагается, что тот человек, в свою очередь, также может передать часть рыбы другим. Кроме того, люди делятся с родственниками, соседями и друзьями и приготовленной рыбой.

В подобную систему распределения включены и другие продукты: мясо, ягоды, лекарственные растения. Если рыбак приносит рыбу и делится с семьей охотника, то он может в будущем, в случае удачной охоты, претендовать на мясо. Таким образом, жители деревни постоянно делятся с другими продуктами охоты и рыбой.

В деревне действуют официальные правила лова рыбы, устанавливаются квоты и запрет лова в нерестовый период, регламентируются способы лова. Однако эти правила не соблюдаются жителями деревни, поскольку рыба является для них важным источником дохода.

Как подчеркнул один из информантов-рыбаков, «мы местные, мы живем по своим правилам».

Официальный закон никогда не покрывает все сферы деятельности, всегда остаются «свободные места» («free spaces»), где люди могут сами контролировать использование ландшафта. Понятие «свободных мест» использовалось в историографии рабства в Северной Америке для обозначения мест, где чернокожие рабы могли поддерживать свои верова-

ния [Martis 2001: 160–162; Morris 1993: 27]. Эванс и Бойте определяют их как «место действия, находящееся между частной жизнью и масштабными институтами, где обычные граждане могут действовать с чувством собственного достоинства, независимо и в соответствии со своим собственным видением» [Evans and Boyte 1986: 17].

В контексте сибирской деревни «свободные места» можно определить как наличие институтов и практик, которые контролируются не с помощью внешних сил, а самими жителями. Однако это не те места, которые недосыгаемы для государства и где сохраняются элементы анархии [Scott 2009], скорее это места, где официальные властные структуры не претендуют на полный контроль.

В данном контексте районной администрации было известно о превышении квот на вылов рыбы в эвенкийских селах, но она не пыталась усилить механизмы контроля в некоторых труднодоступных для рыбоохраны местах, понимая, что это нанесет серьезный удар по некоторым категориям населения, особенно безработным. Тем не менее некоторые места считаются особенно опасными для рыбной ловли из-за периодических рейдов рыбоохраны. Они, как правило, хорошо известны местным жителям.

Во время рыбалки местные жители активно используют мобильную архитектуру. В сезон осенней омулевки, по словам местного рыбака, люди иногда кооперируются и совместно строят конические переносные жилища, которые они называют *юртами*. Местные жители в повседневной жизни используют именно слово *юрта*, поскольку *чум* вызывает у них негативные ассоциации с болезнью. По их словам, осенью в 2010 г. в юрте ночевало до десяти человек. Жерди рубили неподалеку от *табора* (стоянки), а в качестве покрышек использовали брезент и полиэтилен.

В случае индивидуальной рыбалки местные жители могут строить небольшие юрты, также покрываемые полиэтиленом. Во время полевой работы летом 2008 г. я посещал табор на протоке Марикта, где останавливался информант Григорий Марков. С весны по октябрь он часто там ночевал в маленькой полиэтиленовой юрте диаметром около двух метров. Он использовал несколько таборов на реке и постоянно мигрировал («перекочевывал») с одного места на другое, периодически возвращаясь в деревню, чтобы подработать или продать рыбу. В зимнее время он в основном жил в деревне, постоянно возвращаясь на речку, чтобы проверить сети.

Юрты не только не исчезли в постсоветский период, но стали непременным атрибутом «свободных мест». Юрту легко можно перенести

с одного места на другое, поставить в малозаметных для рыбоохраны местах. Она легко и быстро устанавливается на поросших кустарником островах в лабиринте протоков рек Кичера и Верхняя Ангара. Следует заметить, что данный тип жилища используют и эвенки, и русские. Зимовье считается более уязвимым: места, где стоят рыболовецкие зимовья, интенсивно патрулируются рыбоохраной.

«Свободные места» имеют темпоральное измерение. Некоторые временные периоды, особенно нерестовый период, считаются опасными для рыбалки. В Холодной мне приходилось слышать много нарративов, как рыбаки убегали от рыбоохраны, прятали улов в лесу. Часто попытки к бегству приводили к поимке нарушителей, которые потом были вынуждены выплачивать штраф. По словам жителей Холодной, спастись бегством приходилось многим рыбакам, включая женщин и детей, но «это никого не останавливает». Уверенности местным жителям придает именно наличие «свободных мест», т.е. территорий, где контроль властей над действиями местных жителей ослаблен.

В постсоветский период рыбалка превратилась в одно из наиболее важных занятий местного населения. Улов во многом зависит от навыков и умений человека, где особенно важны навыки движения по ландшафту. Рыбная ловля стала причиной постоянных маятниковых перемещений к водоемам и обратно в деревню. Поскольку занятие рыбалкой требовало меньших затрат по сравнению с охотой, многие местные жители стали заниматься ей в 1990-е годы более интенсивно, что стало возможным только благодаря отсутствию тотального контроля со стороны властей и наличию «свободных мест».

Библиография

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их жизненных обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. 3. Самоедские, маньчжурские и восточносибирские народы. СПб., 1777.

Елизов Ф.В. Рыбная и звериная промышленность по берегам озера Байкал // Известия Сибирского отдела императорского Русского географического общества. 1873. Т. IV. № 4. С. 168–179.

Кирилов Н.В. Отчет о поездке в Нижне-Ангарск в 1885 году // Известия Восточно-сибирского отдела императорского Русского географического общества. 1886. Т. XVII. № 1–2. С. 1–83.

Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи с прибавлением статей из путешествия Г. Радде, Р. Маака. СПб., 1868.

Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. 1.

Спасский Г. Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. 1822. Ч. 17. С. 1–66.

Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. Улан-Удэ, 2001.

Evans S.M. and Boyte H.C. Free Spaces: The Sources of Democratic Change in America. N.Y.: Harper & Row, 1986.

Martis K.C. The Geographical Dimensions of a New Nation, 1780s–1920s. // North America: The Historical Geography of a Changing Continent. Ed. 2 / Ed. by T.F. McIlwraith and E.K. Muller. L.: Rowman & Littlefield. 2001. P. 143–164.

Morris A. 1993. Centuries of Black Protest: Its Significance for America and the World // Race in America: The Struggle for Equality / Ed. by H. Hill and J.E. Jones. Madison: University of Wisconsin Press. P. 19–72.

Scott J.C. The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009.

Vorob'ev V.D. Subsistence and Adaptive Strategies Among the Evenki in the Late Twentieth Century in the North Turukhansk District of Krasnoyarsk Territory // Anthropology and Archeology of Eurasia. N.Y., 2004. Vol. 43. No. 1. P. 8–45.

Д.С. Ермолин

**ПРАВОСЛАВНОЕ ХАДЖИЙСТВО:
ПАЛОМНИЧЕСТВО «ЗАДУНАЙСКИХ»
КОЛОНИСТОВ БУДЖАКА И ПРИАЗОВЬЯ
В ИЕРУСАЛИМ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

На протяжении вот уже почти пятнадцати лет сотрудники МАЭ РАН совместно с коллегами из СПбГУ и ИЛИ РАН ведут полевую этнографическую и этнолингвистическую работу на территории Украины: в Буджаке (совр. Одесская обл.) и в Северном Приазовье (Запорожская, Донецкая обл.). В этих двух полиэтничных регионах компактно проживают потомки «задунайских» колонистов (албанцев, болгар, гагаузов), чье санкционированное Российским правительством переселенческое движение с Балкан в приграничные районы Российской империи и последующее освоение пустующих степных районов происходило в период с конца XVIII по вторую половину XIX в.